

УДК 94(47)

РАССЕЛЕНИЕ УКРАИНЦЕВ НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.¹

© Андрей Игоревич ПАПКОВ

Белгородский государственный национально-исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
доцент, декан историко-филологического факультета
педагогического института, e-mail: parkov@bsu.edu.ru

Охарактеризованы миграционные процессы, развернувшиеся в зоне южного фронта и связанные с расширением государственной территории России в южном направлении, происходившем в конце XVI – первой половине XVII в. В конце XVI – первой половине XVII в. на территории южного фронта России – в Днепро-Донской лесостепи – встретились потоки российской и украинской колонизаций. Их взаимодействие было сложным и противоречивым. Конкуренция в освоении новых пространств развернулась на фоне постоянных татарских набегов. Именно необходимость борьбы с последними подтолкнула Российское царство к продвижению в Поле. При его освоении российские служилые люди и руководившие ими должностные лица столкнулись с неожиданным препятствием – украинскими казаками-черкасами. Наплыв украинских переселенцев был настолько значительным и их вооруженные вторжения на заселяемую русскими территорию были настолько частыми, что игнорировать фактор противоборства между представителями двух народов в зоне фронта невозможно. Связанные с этим противоборством явления влияли на жизнь региона и определяли проводившуюся в отношении Поля политику России не меньше, чем татарские набеги. Значительные массы украинцев пытались основать постоянные поселения в районах, уже считавшихся российским правительством своими. В этой ситуации проявилось преимущество российской колонизации. Она осуществлялась государством, строящим города-крепости, распространяя тем самым свой суверенитет на новые земли. Опираясь на создаваемые здесь вооруженные силы, Российское царство вытесняло украинских поселенцев с занимаемой ими территории. По окончании Смоленской войны Россия развернула строительство Белгородской черты. Создаваемая сеть укреплений обусловила окончательное закрепление ее в данном регионе, позволила не только эффективно противостоять татарским набегам, но и усилить контроль над народной украинской колонизацией и сделала бесперспективными польские планы, направленные на возвращение этих территорий. Таким образом, колонизационная политика, последовательно проводившаяся Россией, оказалась более результативной, чем спонтанное переселенческое движение с Украины, не имевшее государственной поддержки. Однако в конфликте между Российским государством и украинскими колонистами было найдено место компромиссу. Этот компромисс оказался жизнеспособным и послужил основой для последующего сосуществования двух народов на одной территории, позволил России на протяжении первой половины XVII в. успешно продолжить колонизацию Поля. Предпосылкой к его достижению стала совместная борьба с татарскими набегам. Основу составило поступление черкас на российскую службу, в результате чего за несколько десятилетий на южной окраине России сформировался особый слой населения – служилые черкасы. Выделяясь среди русских служилых людей и крестьян, служилые черкасы, благодаря этнокультурному родству и общему православному вероисповеданию, быстро адаптировались к существованию в России. Вместе с тем в первой половине XVII в. эта адаптация еще не была полной. Нередкими были конфликты служилых черкас с местными властями и русскими соседями. Порождались указанные конфликты не этническими, а имущественными и правовыми противоречиями. Проявлялись они, в основном, в неповиновении властям и уходе за пределы Российского царства. Такие «черкасские измены» вызывали жесткую реакцию российской администрации, т. к. уход населения обратно в Речь Посполитую ослаблял российские позиции на Поле и усиливал последнюю. Но, по мере накопления опыта совместного проживания на границе и использования черкас в качестве российских служилых людей, центральная и местная власть смогла выработать политику, обеспечившую укоренение переселенцев на новом месте. Опыт совместного проживания, выработанный в ходе взаимодействия подданных России и переселенцев с украинских земель Речи Посполитой в процессе колонизации Днепро-Донской лесостепи, в дальнейшем сыграл положительную роль в становлении русско-украинских отношений в рамках единого государства.

Ключевые слова: Российское царство; Юг России; Днепро-Донская лесостепь; Крымское ханство; Речь Посполитая; порубежье.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-47-70

Днепро-Донская лесостепь², начиная с конца XVI и на протяжении всего XVII столетия являлась зоной взаимодействия русских и украинцев³. Дореволюционные историки, рассматривавшие переселение украинцев в Россию, обращали внимание на их усердную службу [1, с. 52] и размах переселенческого движения [2]. Советские историки сформулировали концепцию, согласно которой российские власти обращались с украинцами гораздо лучше, чем с русскими служилыми людьми [3, с. 77]. Исследователи отмечали благожелательное отношение России к украинским казакам – «черкасам» [4, с. 12] и видели в этом проявление братских отношений двух народов [5, с. 14]. Таким образом, внимание акцентировалось на тех сторонах российско-украинского взаимодействия, в которых проявлялась обоюдная заинтересованность. Между тем, как свидетельствуют документы российского приказного делопроизводства (фонд № 210 РГАДА), процесс пограничного взаимодействия был связан с необходимостью решения различных проблем.

В конце XVI в. на просторах Днепро-Донской лесостепи, которая в этот период стала частью обширной зоны южнорусского фронта, встретились два колонизационных потока: российский и украинский. За период 50–70-х гг. XVI в. удалось выявить всего два упоминания о черкасах в приграничном регионе. Первое из них содержится в матери-

лах Литовской метрики [6, с. 231-240]. Второе упоминание о черкасах на Поле относится к 1571 г., когда русская сторожа с реки Коломака была переведена на р. Ольшанку, т. к. «на Коломаки приходят черкасы каневские да сторожей громят» [7, с. 13]. В конце XVI в. действия черкас заметно активизировались. Объясняется это тем, что после передачи приднепровских и волинских земель Великому княжеству Литовскому в состав Польского королевства в 1569 г. усилилось угнетение украинского населения. Со второй половины XVI в. все более заметной становится дискриминация православного населения Речи Посполитой. В результате увеличилось число беглых на юг, подальше от польских шляхтичей и администрации. Но на юге лежало Крымское ханство, а территория Поля являлась в то время фактически ничейной, сюда и направились украинцы из Польши. Есть и другая точка зрения. Она была сформулирована Г.Н. Анпиловым и поддержана в позднейшей работе В.П. Загоровского [8, с. 194]. Г.Н. Анпилов связывал появление украинцев в российских пределах с государственной политикой Речи Посполитой [9, с. 19].

Особое внимание следует обратить на черкас, которые приходили для хозяйственных промыслов. Они появлялись в районе, который уже осваивался российскими подданными. Это служило причиной столкновений. В связи с утратой архивных документов в настоящее время трудно точно определить роль Польского государства, державцев и феодалов в организации черкасского движения на российские украинны. Д.И. Багaley предполагал, что украинные старосты могли действовать независимо от правительства Речи Посполитой [2, с. 89]. Более уверенно можно говорить о стихийных акциях черкас, которым администрация Речи Посполитой не препятствовала, поскольку походы совершались в пределы ее противника. Кроме того, сами польские власти полностью действия казачества никогда не контролировали. Как остроумно заметил польский историк В. Годжишевский: «Кзаки запорожские и донские за свою историю не раз оказывали великие услуги своим государствам, Польше и Москве, однако, живя бесконтрольно и самовольно, еще больше доставляли им хлопот» [10, S. 60]. Вместе с тем, согласно описи архива Посольского приказа 1614 г., начиная с

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00355 «Русский фронтир: политические, социальные и экономические аспекты (Юг России в XVI – конец XVIII в.)».

² Российское правительство считало Днепро-Донскую лесостепь своей территорией, частью Северских земель. Лежавшие южнее границ Российского государства неосвоенные земли назывались «Подем». Соответственно, пограничная российская территория именовалась Северской и Польской украинями (окраинами).

³ В российском делопроизводстве XVI—XVII вв. украинцев называли «черкасами», по названию города Черкас, бывшем в то время центром украинского казачества. Нередко черкас делили на «служилых» (принявших российское подданство и поселенных на территории России) и «воровских» (формально являвшихся подданными Речи Посполитой, но фактически действовавших самостоятельно и нападавших на российскую территорию). Настоящая работа не претендует на разрешение вопроса о времени складывания украинской народности, термин «украинцы», в данном случае, не имеет этнической окраски, а используется для обозначения жителей украинских земель Речи Посполитой.

1585/86 г. и вплоть до 1604 г., в русском дипломатическом ведомстве собираются документы о запорожских черкасах и о «задорах» на границе [11, с. 125-127]. Таким образом, подданные России и мигранты из украинских земель Речи Посполитой в 80-х гг. XVI в. встретились на Поле как подданные враждебных друг другу государств.

Вместе с тем в это же время начинается прием черкас на российскую службу. Так, в 1588 г., в Путивле уже появились служилые черкасы. Это были 25 человек, которыми командовал Агей Мартынов, а также 50 черкас и охочих казаков во главе с атаманом Яковом Лысым [12, л. 17-18]. Кроме того, имеется свидетельство о переходе в том же году на службу в Путивль 15 запорожцев под предводительством атамана Федора Гороховского [13, л. 10-11; 14, л. 1-2]. В 1594 г. в Путивле насчитывалось 50 черкас, не имевших поместий и служивших только за денежное и хлебное жалованье [15, с. 16]. Судя по позднейшей челобитной и показаниям свидетелей, черкашенин Яков Филиппов служил станичником в Белгороде с 1600 г. [16, л. 213-217]. Значит, вполне вероятно наличие служилых черкас и в этом городе. Служилые черкасы встречаются не только в пограничных городах. Так, сохранился список, сделанный в 1627 г. с указной грамоты Федора Ивановича в Переяславль-Рязанский. Подлинник датируется 3 апреля 1593 г. В нем говорится об освобождении «рязанских черкас» от работ по строительству городских укреплений ради их «иноземства» [17, с. 48-49]. В платежных книгах Рязанского уезда 1594–1597 гг. есть указания на наделение землей черкас в этом уезде [18, с. 66, 179, 245, 305].

Однако не все черкасы желали перейти на службу в Россию. В 1592 г. воевода Григорий Борисов докладывал из Чернигова о конфликте с польскими подданными. По его словам, черниговцы обнаружили начатое людьми А. Вишневецкого строительство на Прилуцком городище. В России эту территорию считали своей и поэтому поселенцев прогнали, а для предотвращения их возвращения выставили заставу. После этого на заставу пришли черкасы из Лубен и Остра во главе с атаманом Иваном Белиным. В результате завязавшегося боя немало черниговцев было убито и ранено, а их лошади стали добычей черкас [19, л. 172об.].

В ответ на активизацию украинских казаков российское правительство должно было принять соответствующие меры. В Поле из городов направлялись военные отряды [8, с. 196-197]. Весной 1589 г. в Москве получили известие о прибытии на р. Северский Донец отряда черкас под командованием Матвея Федорова, который изъявил желание «служить государю и над крымскими людьми промышлять». В ответ из Путивля был выслан отряд под командованием головы Афанасия Федоровича Зиновьева. Последний получил наказ: выяснить подлинные намерения черкас, и если не подтвердится их намерение перейти на русскую службу, то немедленно атаковать, разгромить и уничтожить их. Отряд Федорова стал служить «государеву службу» [20, с. 250-259]. На примере черкасского отряда М. Федорова хорошо видны основные тенденции во взаимоотношениях российской администрации и украинцев в конце XVI в. в условиях фронта. Они были гораздо сложнее, чем это порой воспринималось историками. Советские исследователи приводили эпизод с Матвеем Федоровым как пример успешной украинской колонизации Днепро-Донского региона. При этом утверждалось, что царское правительство только положительно реагировало на появление переселенцев из Речи Посполитой [5, с. 13; 21, с. 240; 22, с. 68]. Тем самым игнорировалось мнение Д.И. Багалея, проанализировавшего данный случай и пришедшего к выводу о недоверии российских властей к черкасам, «...потому, что они ничем прочным не были связаны со своим новым отечеством» [2, с. 105].

Черкас принимали на службу, поскольку остро нуждались в людях. Однако до конца им не доверяли. Зачастую служилые черкасы пресекали вторжения татар. При необходимости служилых черкас использовали для борьбы с черкасами «воровскими». Тем не менее, правительство с большой осторожностью относилось и к черкасам, находящимся на российской службе. Само прибытие в русские пределы вооруженных отрядов вызывало тревогу, поскольку нельзя было быть полностью уверенным в том, что черкасы пришли на службу, а не в поисках добычи. Нестороженность, проявленная правительством по отношению к отряду Федорова, послужила Д.И. Багалею основанием для вывода о

восприятию российскими властями черкас как союзников, а не как своих служилых людей [2, с. 105]. Эта оценка представляется не совсем точной. Рассмотрение документов о других служилых черкасах позволяет заключить, что они находились в таком же положении, как и другие категории военно-служилого населения южной российской окраины. Только, как оказалось впоследствии, у них было больше возможностей для ухода со службы, чем у русских жителей этого региона.

По мере заселения россиянами Польской и Северской Украины, учащались пограничные столкновения. Пропорционально возрастанию плотности населения района увеличивалось количество конфликтов. Из всей территории российско-украинского порубежья наиболее интенсивно осваивались Северские земли. Именно здесь в 80-х гг. XVI в. напряженность достигла такого уровня, что вопрос об обстановке в Новгород-Северском, Путивльском и других российских уездах стал предметом дипломатической переписки между Москвой и Варшавой. Польское правительство видело причину обострения положения в переходах российских подданных через польские рубежи. Видимо, в Речи Посполитой считали еще неосвоенные просторы Поля своими и воспринимали появление россиян там как нарушение польской границы. В свою очередь, в Москве подобное мнение находили несправедливым, упрекали поляков в пограничных столкновениях, однако обещали и своих подданных «удерживать от всяких непорядков» [23, с. 8-9].

В этот период российские дипломаты активно протестовали против строительства острогов вблизи границы со стороны Речи Посполитой. По их словам, после основания и заселения Лубен и Прилук, жители этих городов «запустошили» Черниговский, Путивльский и Новгород-Северский уезды. При этом утверждалось, что Прилутское городище со всеми угодьями, прилегающими к нему, является исконной землей Черниговского уезда [19, л. 163об.-165]. Со своей стороны, в Варшаве утверждали, что «...городище Прилутское и река Удая з веков к Киевскому княжеству надлежит и людем господарей наших королей польских и великих князей литовских черкасы, и каневцы, и остряне завжды того спокойне далече за тым местом

больше десяти миль уживались» [19, л. 174об.]. Неопределенность государственной принадлежности Прилутского городища и его округа стала причиной длительного межгосударственного спора. Таким образом, колонизация Россией и Польшей своих окраин привела к обострению территориальных противоречий между двумя государствами.

Несмотря на дипломатические меры, в дальнейшем положение существенно не изменилось. Помимо актов разбоя, бывших на окраинах делом обычным, здесь уже в конце XVI в. происходят попытки украинского населения осесть на приграничных землях, не вступая при этом в российское подданство. О таких фактах сообщали воеводы Путивля, Рылска и Новгорода-Северского [9, с. 74] и Чернигова [19, л. 74]. Опасность черкасской колонизации для России заключалась в том, что селившиеся украинцы не приносили присяги царю. Следовательно, они продолжали оставаться подданными Речи Посполитой. Поэтому русское правительство опасалось такого освоения земель черкасами. Ведь, закрепившись на них, переселенцы создали бы условия для присоединения этой территории к Польше. Но процесс расселения черкас на границах Российского царства продолжался, и московское правительство остановить его не могло. В данном случае можно говорить о столкновении двух потоков колонизации Днепро-Донской лесостепи – русского и украинского. Освоение Поля началось практически одновременно и россиянами и черкасами. Однако имелись существенные отличия в положении переселенцев с территории Российского царства и Речи Посполитой. В это время русская колонизация была преимущественно правительственной, организованной из центра. Она опиралась на строящиеся государством города-крепости и формирующиеся в регионе вооруженные силы. Проводя такую политику, российская сторона стремилась закрепиться на Польской и Северской окраинах. Украинская колонизация носила иной характер. В основном, это был процесс стихийный, лишь отчасти стимулировавшийся польскими землевладельцами, но не государством. В конце XVI – начале XVII в. правительство Речи Посполитой специальных распоряжений о переселении черкас не отдавало, но и не мешало движению украинцев в этот регион. Русские власти

всячески противодействовали оседанию украинских переселенцев на его территории и рассматривали черкасскую колонизацию как проявление экспансии Речи Посполитой.

Правительства Федора Ивановича и Бориса Годунова, опираясь на создаваемые в рассматриваемом регионе вооруженные силы, пытались вытеснить украинцев с территории, которую считали своей. Но сил, имевшихся в распоряжении Российского царства, оказалось недостаточно для преодоления сопротивления украинских поселенцев. Тем не менее, в столкновении двух колонизационных потоков преимущество оказалось на стороне российского, имевшего государственную поддержку. Однако полностью удалить украинцев с территории Поля российские власти не смогли. Результатом стало компромиссное решение проблемы. Российская администрация разрешала черкасам селиться на своей территории при условии изменения ими подданства и выполнения различных обязанностей наравне с другими российскими служилыми людьми.

В Смутное время деятельность российской администрации на Польской Украине практически была парализована. Это время характеризуется не только голодом 1601–1603 гг. (который на юге Российского царства проявился не так остро, как в других районах страны), но и дестабилизацией внутри- и внешнеполитического положения России, активным вмешательством в ее внутренние дела иностранных держав. Наибольшей активностью была отмечена внешняя политика Речи Посполитой. Правительство этого государства стремилось извлечь максимальную выгоду из сложной внутривосточной ситуации в России. В Польше в этой связи возникали различные планы: от идеи соединения Российского царства и Речи Посполитой «вечной унией» до присоединения к Польскому королевству части пограничных российских территорий [24, с. 268-285]. Естественно, вышеназванные факторы отразились на ситуации в южных уездах России.

Именно в южные районы России вторгся Лжедмитрий I. Этот регион существенно пострадал в Смутное время. С возвращением в Польшу из России короля Сигизмунда III и королевича Владислава активные действия польских войск на русских землях прекратились. После утверждения на престоле в 1613 г.

Михаила Федоровича Романова ситуация в государстве начинает стабилизироваться. Положение на порубежье усугубилось походом польского королевича Владислава на Москву в 1617 г. Сил, имевшихся в его распоряжении, оказалось недостаточно для ведения успешной войны за престол. Поэтому Владислав призвал на помощь запорожское войско. Запорожцы численностью до 20 тыс. человек двинулись в поход летом 1618 г. [25, с. 684]. Во главе казаков стоял гетман Петр Конашевич Сагайдачный. Они овладели Путивлем, Ливнами, Ельцом, Данковым, Лебедяню, взяли в плен русских послов, направлявшихся в Крым (вместе с «мягкой казной» стоимостью 10 тыс. руб.), а затем направились на Рязанщину [15, с. 179]. Таким образом, в 1618 г. южная оборонительная система России, еще окончательно не восстановленная после Смутного времени, в результате вторжения запорожцев опять серьезно пострадала. Для Владислава поход оказался неудачным. Осенью 1618 г. возобновились мирные переговоры. Следует обратить внимание на оценку российскими властями похода запорожцев 1618 г. Согласно боярскому приговору от 10 июля 1619 г., «...о ту пору была война, а не разбой» [26, с. 96].

Приведенные факты позволяют заключить: во время Смуты, благодаря ослаблению Российского государства, приостановилась колонизация Поля. Процесс порубежного взаимодействия претерпел серьезные изменения. И если в конце XVI в., несмотря на различные конфликты, достаточно устойчиво развивалась тенденция к совместному проживанию россиян и черкас в Днепро-Донском междуречье, основывавшаяся на приеме украинских казаков в российское подданство, то в первые два десятилетия XVII в. черкасы в основном выступали либо как воины Речи Посполитой, либо как разбойники, рыскающие в поисках добычи по российской Украине. Но по мере восстановления российской государственности это направление во взаимодействии населения сопредельных территорий России и Польши перестает доминировать, и фактически порубежные отношения восстанавливаются в том виде, в котором они существовали до появления первого самозванца. Значит, в основе обострения ситуации на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Рос-

сии в Смутное время лежали не этнические, а политические причины.

Итоги Смуты предопределили главные направления последующей внешней и внутренней политики правительства Михаила Федоровича. В 20-е гг. XVII в. Россия окончательно закрепились на Польской Украине. Возобновилась сторожевая и станичная служба. Продолжался процесс заселения земель, увеличения численности служилых людей в польских городах. Отношения между Россией и Речью Посполитой продолжали оставаться сложными, неурегулированными, т. к. между двумя странами не был заключен мир. С 1618 г. действовало перемирие на 14,5 лет. Речь Посполитая не только захватили западные российские земли со Смоленском, но и продолжала игнорировать Михаила Федоровича Романова как законного русского царя, требуя, согласно условиям договора Владислава с боярами, признания прав польского королевича на московский престол. В пограничных районах сохранялась напряженность. Тем не менее, крупных военных столкновений на межгосударственном уровне не было, за исключением периода Смоленской войны 1632–1634 гг.

Безусловно, столкновения дестабилизировали обстановку на границе, мешали укреплению России в данном регионе. Но еще больше тревожило российские власти продолжавшееся расселение украинцев на этой территории без принесения ими присяги. Не случайно вопрос о ситуации на границе был вынесен на обсуждение Земского собора, который должен был решить вопрос о разрыве перемирия и начале войны с Речью Посполитой [27, с. 228]. Ослабленному государству было трудно противостоять украинской колонизации. Из всей территории Северской и Польской Украины наибольшая активность черкасской колонизации была в Путивльском уезде. Объясняется это его близостью к уже освоенной украинцами территории Речи Посполитой и относительной защищенностью от татарских набегов. Так как русское население в указанном районе было довольно многочисленным, то и столкновения здесь происходили чаще. Показателен следующий эпизод. В 1626 г. более тысячи черкас из Лубен, из Синеча, из Лохвицы и из Прилук, исключенных ранее из реестра, во главе с полковником Пырским и Яцком Засульским

двинулись на российскую территорию, на р. Псел, на Новое Городище для поселения. Кроме того, туда же направились «выписчики»¹ из других украинских городков. Черкасы учли опыт предшествующих столкновений с российскими войсками, которые выдворяли незаконных переселенцев за пределы России. Они решили закрепиться и оказать сопротивление, утвердя тем самым за собой эту территорию [28, л. 2]. По всей видимости, оперативность, проявленная российскими властями, позволила уладить конфликт. Черкасам не дали поселиться на Новом Городище. При этом не произошло кровавых столкновений. Украинцы безуспешно пытались осесть на том же самом месте и в дальнейшем [29, л. 1-3]. Но, тем не менее, значительное число черкас проживало в Путивльском уезде, не принимая русского подданства. Противостоять этому процессу пытались военными и дипломатическими средствами. Командирам российских военных отрядов приказывалось поселения жечь дотла, а их жителей выдворять за рубеж [16, № 42, л. 112]. Для высылки «литовских людей» из Путивльского уезда и уничтожения их поселений в 1627 г. направлялось пятьсот конных и сто пеших стрельцов, усиленных 280 служилыми людьми из разных городов [16, № 20, л. 39]. Как свидетельствуют донесения воевод, украинскую колонизацию земель, прилегающих к Путивлю, не удавалось полностью контролировать и в 30-е гг. XVII в.

Приведенные факты убедительно говорят о напряженности, связанной со столкновением русского и украинского колонизационных потоков в зоне юного фронта. Во многом конфликты провоцировались особенностями, присущими порубежью. Отсутствие четкой границы создавало ситуацию, когда конкретную местность считали своей и Российское царство, и Речь Посполитая. В результате больше всего страдало население сопредельных территорий.

В это время российская колонизация поля приобретает государственный характер. Теперь в ней в равной мере стали сочетаться элементы правительственной и народной ко-

¹ «Выписчиками» черкасы называли казаков, исключенных из реестра (списка, по которому в Речи Посполитой казакам выдавалось жалованье). Не вошедшие в реестр теряли права казака и должны были стать либо крестьянами, либо мещанами.

лонизации. Заселение окраин со стороны России становится более интенсивным, что во многом объясняет рост числа конфликтов на порубежье. При этом инициаторами конфликтов, нападающей стороной являлись как украинцы, так и россияне. Можно говорить о том, что упомянутые нападения происходили и на российской, и на польской территории, при всей условности данных категорий применительно к зоне фронта. В рассматриваемый период возобновился прием черкас на службу. В это же время начала практиковаться ссылка провинившихся служилых черкас в Сибирь, где их верстали в службу наравне с другими российскими подданными.

В годы Смоленской войны 1632–1634 гг. южная окраина России стала ареной боевых действий. Укрепление Российского государства к 30-м гг. XVII в. позволяло, по мысли правительства, начать борьбу с Речью Посполитой за возвращение Смоленска. В Москве рассудили, что международная обстановка благоприятствует решению указанной задачи. Расчет исходил из того, что Речь Посполитая скована борьбой с Османской империей и Крымом. В то же время главные европейские державы были втянуты в Тридцатилетнюю войну и не могли активно вмешиваться в дела Восточной Европы. Кроме того, наметился военный союз Российского царства и Швеции. Вероятно, Россия рассчитывала на поражение Польши на западном фронте, от Швеции. Смоленская война должна была отвлечь польские силы на восток [30]. В итоге Речь Посполитая должна была принять выгодные для России условия мира. Тем не менее, в августе 1632 г. Российское царство начало войну с Польшей, так и не заручившись поддержкой Швеции и Турции. Смоленская война 1632–1634 гг. была ярким проявлением борьбы России и Речи Посполитой за гегемонию в Восточной Европе. Основные сражения развернулись под Смоленском, но события, происходившие на южном российском порубежье – Поле, оказали определенное влияние на результаты всей кампании в целом.

Боевые действия с войсками Речи Посполитой, состоявшими в значительной мере из черкас, развернулись на южной окраине России в 1633 г. Сначала были атакованы Путивль и Рылск. В это же время черкасы штурмовали уже занятый русскими войсками

Новгород-Северский. Черкасам под командованием Якова Острянина весной того же года удалось захватить и разорить г. Валуйку. После этого отряд Острянина предпринял попытку захватить Белгород. После того как приступ был отбит, отряд Острянина отошел на территорию Польского королевства [7, № 538, с. 517]. При этом черкасы прошли мимо Путивля и разграбили Комарицкую волость [31, с. 48]. В августе, 26 числа, черкасы под командованием полковников Пырского, Ловерка, Острянина и урядника Сеножатского атаковали Курск [16, № 53, л. 28].

В следующем году боевые действия польской армии на южной окраине России с участием черкас продолжались. В начале 1634 г. поляки и черкасы предпринимали безуспешные попытки захвата Курска [32, л. 514]. С 1 по 7 марта 1634 г. другой русский город, Севск, также подвергся серьезному приступу. С 4 по 16 апреля 1634 г. двенадцатитысячный отряд гетмана Ильяша Черного, полковников Данилы Данилова и Яцко Острянина безуспешно пытался овладеть Курском [7, № 663, с. 616]. Полтавские черкасы вновь появились под Белгородом в 20-х числах марта 1634 г. В отсутствие Я. Острянина ими командовали полковники Филипп и Семен [32, № 101, л. 343, 361]. В дальнейшем Острянин вернулся в Полтаву и направил письма в Переяславль и другие «литовские порубежные городки» с предложением всем полковникам и урядникам сходить к нему в Полтаву, а оттуда немедленно идти под Белгород [32, № 101, л. 499-501]. В дальнейшем эти данные подтвердились. Местный воевода встревожился, ибо гарнизон был сильно ослаблен – много людей было убито и умерло от ран за предшествующий военный период. В отписке, направленной в Москву, стольник Волынский сообщал, что большой острог нуждается в ремонте и серьезного приступа не выдержит [32, № 101, л. 525]. Так и случилось. Черкасы под командованием Я. Острянина, вновь, но теперь уже внезапно, появились под стенами Белгорода. Помимо Острянина черкасами командовали полковник Пырской и лубенский полковник Ловерко. Сбор отряда происходил в Лубнах. Его численность достигла семи тысяч человек. Из Лубен черкасы шли Бокаевым шляхом. Переправившись через Северский Донец возле устья Везелицы, они начали штурм

крепости в 4 часа утра 8 июня 1634 г. К 5 часам вечера большой острог был захвачен и сожжен. До 12 июня продолжались приступы к детинцу, но гарнизон сумел отбиться [32, № 101, л. 629-630]. Потеряв надежду на дальнейшее развитие первоначального успеха, черкасы ушли с полоном в пределы Речи Посполитой [7, № 680, с. 625].

Естественно, российская администрация предпринимала ответные шаги. На местах, по мере возможности, организовывался отпор, продолжалась станичная и сторожевая служба. На Украину из Москвы посылались дополнительные вооруженные силы. Ход боевых действий на Поле во время Смоленской войны 1632–1634 гг. подталкивал российское правительство к принятию мер для укрепления обороны в данном регионе. Была осознана невозможность проведения активной политики на Западе без усиления своего положения на Юге. В целом довоенные позиции Российского царства в Днепро-Донской лесостепи были восстановлены довольно быстро.

Итак, в 1632–1634 гг. российско-украинское порубежье стало ареной широкомасштабных боевых действий. Активное участие в них принимали черкасы, составлявшие часть армии Речи Посполитой. В отличие от татар, они довольно успешно штурмовали российские крепости, чем оказали значительное влияние на ход всей кампании в целом. Приведенные факты показывают, что во время войны этнокультурная близость населения приграничной территории практически не проявлялась. Принадлежность украинцев к православной церкви, в обстановке войны 1632–1634 гг., не удержала последних от участия в боевых действиях на стороне католической Речи Посполитой. На первое место выдвинулся политический фактор: антагонизм государств, на территории которых проживали русские и украинцы. Ожесточенные боевые действия серьезно деформировали их взаимоотношения. Механизмы, обеспечивавшие сосуществование населения российско-украинского порубежья, наметившееся в 20-е гг. XVII в., в 1632–1634 гг. перестали функционировать.

Поляновский мирный договор, заключенный Россией с Речью Посполитой, привел к отказу Владислава IV от претензий на российский престол. Довоенное положение на

границе между двумя странами осталось неизменным. Осознавая неизбежное приближение конца Тридцатилетней войны, Речь Посполитая стремилась сохранить стабильные отношения с восточным соседом. Более того, в 40-е гг. XVII в. в Восточной Европе вновь возникли планы антитурецкой войны. В это же время начинается обострение балтийского вопроса. Русские политики попытались методами дипломатического давления добиться от шведского правительства изменения условий Столбовского договора 1617 г. В таких условиях варшавский двор рассчитывал, что совместная борьба с Крымским ханством и Османской империей помогут обеспечить статус-кво в отношениях с Россией. В итоге, укрепится положение не только на юге Речи Посполитой, но и сохранится сложившаяся ситуация на границах с Российским царством.

В рассматриваемое время перед Россией стояло несколько важнейших внешнеполитических задач. В их числе возвращение потерянных земель в Прибалтике и на границе с Речью Посполитой, а также борьба с Крымом. Первоочередное решение той или иной задачи (одновременно их решить было невозможно) зависело от конкретной международной обстановки, от положения внутри страны и на ее рубежах. После заключения мира с Речью Посполитой, в 1634 г., на российско-украинском порубежье начался процесс ликвидации последствий боевых действий. Как и до войны, обстановка в регионе продолжала оставаться тревожной. С весны 1635 г. в довоенном масштабе возобновилась сторожевая и станичная служба [16, № 54, л. 479; № 74, л. 284, 289].

После Смоленской войны активизировалась народная украинская колонизация Поля. Причины данного явления, в первую очередь, следует искать в действиях властей Речи Посполитой. Правительство Владислава IV попыталось сократить численность казачества на своей территории. Количество последних заметно увеличилось во время Смоленской войны, когда варшавский двор использовал их для рейдов на территорию Российского царства. Поскольку казаки сыграли довольно значительную роль в боевых действиях, они стали претендовать на получение особого сословного статуса. Противная сторона не хотела признавать такое же-

ление законным. После заключения мира с восточным соседом польское правительство, местные власти и шляхта стремились как можно больше украинских казаков превратить в крестьян и мещан – людей, подчиненных либо государству, либо отдельным феодалам. Конфликт между основной массой населения украинских земель Речи Посполитой и государством не исчерпывался только социальным противостоянием. Острое недовольство вызывали попытки силой распространить на православных власть униатской церкви [24, с. 36-43]. Эти два конфликта, социальный и религиозный, спровоцировали не только ряд казацких восстаний в Речи Посполитой, но и стимулировали отток населения за ее пределы. Основная масса украинцев направлялась в южные уезды Российского царства. Часть поселенцев хотела жить на российской территории, не принимая российского подданства. В царской грамоте, направленной 4 ноября 1643 г. в Корочу, воеводе предлагалось черкас, приходящих в корочанские угодья для хозяйственной деятельности, высылать (в отличие от «воровских», которых ловили) [33, с. 7]. В одновременном указе чугуевскому воеводе Денису Федоровичу Ушакову было предписано строго следить за тем, чтобы зарубежные черкасы не оседали на российской территории и не осваивали угодья в его уезде. Вместе с тем силу по отношению к ним применять запрещалось. Незаконных мигрантов следовало выдворять исключительно мирными средствами, а также использовать дипломатические меры [16, № 181, л. 179-181].

В 1646 г. из Белгорода для осмотра российской приграничной территории был направлен Степан Сухотин. 30 октября он составил «Роспись литовских пасек в Вольновском уезде и под Хотмыжском...» [16, № 256, л. 119-124]. С. Сухотин произвел достаточно масштабное обследование («сыск»). Отчет, составленный им, говорит о наличии на «государевых землях» (между городами Вольным, Хотмыжском, Белгородом и Чугуевым) более чем трехсот черкасских пасек [16, № 242, л. 69-70]. Судя по отписке белгородского воеводы, составленной на основании опроса жителей Вольного, в следующем году положение не изменилось. Число незаконных пасек не сократилось. В ответ на отписку воевода получил предписание: бортников

изгнать «без бою и без задору» [34, с. 127]. Подобные указания были направлены воеводам других приграничных городов.

В условиях постоянного перемещения украинского населения по Северной и Польской Украине и продвижения русской колонизации вглубь Поля особую остроту приобретал вопрос установления границ России и Речи Посполитой. Первые сведения о посылке на рубеж межевых судей и о попытке уточнения границ содержатся в Бельском летописце под 1603 г. [35, с. 240]. В условиях Смутного времени Российское царство не смогло отстоять свои интересы. В дальнейшем положение изменилось. В наиболее заселенных пограничных районах размежевание территории началось после подписания Деулинского перемирия. Так, в 1619–1622 гг. была установлена российско-польская граница в Комарицкой волости [36, S. 8-9]. Даже после Смоленской войны вытеснить Россию с Поля Речь Посполитая не сумела. Летом 1634 г. было проведено размежевание тех земель между Путивлем, Новгородом-Северским, Трубчевском, Стародубом, Почепом и Черниговом, по государственной принадлежности которых не возникало разногласий. Межевые комиссары решили съехаться к 1 июня следующего года для решения вопроса о спорных территориях [23, ч. 3, с. 70]. Определить границу между Новгород-Северским поветом Речи Посполитой и Рыльским уездом Российского царства смогли только до р. Сейм. Около 420 км границы, пролежавшей южнее, остались не демаркированными, т. к. возникли неразрешимые споры [36, S. 18-20]. Процесс размежевания вылился в длительный территориальный спор между Россией и Речью Посполитой. Стороны использовали любые средства для достижения выгодных им результатов.

В 1638 г., после продолжительных споров, была проведена русско-польская граница между Северскими и Полтавскими землями. По ее линии были установлены межевые знаки: выкопаны разделительные рвы, поставлены кресты, сделаны затеси на деревьях. Иногда на деревьях высекали буквы: «W» (Владислав. – *A. II.*) – с польской стороны и «ЦМ» (царь Михаил. – *A. II.*) – с русской [37, с. 574-575]. А вот размежевание в районе Новгород-Северский – Чернигов – Черкасы (Речь Посполитая) и Брянск – Путивль (Рос-

сийское царство) в 1644 г. прекратилось из-за невозможности разрешить земельные споры [36, S. 40; 38].

Длительные дискуссии о месте пролегания границы являлись отражением многолетней борьбы двух государств за гегемонию в рассматриваемом регионе. Однако, несмотря на изменение международной обстановки, которое подталкивало Россию и Речь Посполитую к сближению, в течение последующего десятилетия вопрос о границах продолжал оставаться нерешенным. Так, только в 1647 г. была определена граница Путивльского уезда с черниговскими и черкасскими землями, относившимися к Королевству Польскому [39, с. 1; 40, л. 2-14]. При этом Недрыгайлов был уступлен России, за что И. Вишневецкий получил большую территориальную компенсацию в бассейне р. Хорол. Граница прошла по Ворскле. Во владения Российского царства попали г. Олешня и городище Ахтырка. Южнее граница четко не маркировалась. Она оканчивалась на линии Муравского шляха. Далее простиралась степи, на которые предъявляли свои права Россия, Речь Посполитая и Крымское ханство [36, S. 41-79].

Не трудно заметить стремление Речи Посполитой сохранить выгодно сложившиеся для нее границы. Однако Россия не отказывалась от претензий на некоторые земли, находившиеся под властью Польского королевства. Выдвижение варшавским двором предложения о размежевании логично связать с началом работ по строительству Белгородской черты. Видимо, польское правительство осознало, что создание Российским царством сети мощных укреплений значительно усилит его позиции в регионе, что может поставить под угрозу территориальные приобретения, произведенные Речью Посполитой в предшествующее время. Надо полагать, необходимость решения вопроса о границе понимали обе стороны, но поступаться своими интересами для урегулирования проблемы никто не хотел. Положение, когда часть пограничных земель являлась предметом спора между двумя государствами, сказывалось на положении жителей этих территорий. Обе стороны были заинтересованы в заселении их своими подданными, чтобы обеспечить свой суверенитет над окраинными землями.

В целом, можно констатировать: в рассматриваемое время для российско-украинского порубежья характерны вооруженные столкновения и военные конфликты, порожденные пересечением российского и украинского потоков колонизации Поля. По окончании Смоленской войны 1632–1634 гг. Российское государство развернуло строительство Белгородской черты, что обусловило окончательное закрепление его в данном регионе, позволило не только эффективно бороться с вторжениями татар, но и усилить контроль над народной украинской колонизацией. В этот же период произошло сближение между Россией и Речью Посполитой, в основу которого лег договор о совместной борьбе с татарами и другими общими врагами. Стабилизации взаимоотношений двух держав способствовал процесс демаркации границ, протекавший медленно, но, тем не менее, приносивший определенные результаты.

Активизация миграции украинцев в южные уезды России в конце 30-х гг. XVII в. объясняется не только внутривосточной обстановкой в Речи Посполитой, но и началом возведения Белгородской черты, потребовавшим увеличения численности военно-служилого сословия на границе России. Результаты увеличения числа переселенцев отражены в царской грамоте, направленной в Путивль, Брянск, Севск, Рыльск, Серпейск, Мосальск, Мещевск, Курск, Белгород, Валуйку, Оскол и Усерд. В ней было велено отказывать перебежчикам из Речи Посполитой (особенно не имеющим имущества и семей), заявляя, что «...без службы их в Московское государство принимать не для чего» [7, с. 110-111]. Более того, в 1636 г. воеводы российских приграничных крепостей получили указание не принимать на службу большие группы переселенцев из Речи Посполитой. Такое решение было вызвано необходимостью сохранения мирных отношений с Польшей, обострять которые, после проигранной Смоленской войны, было для Российского царства опасно. Воеводы могли разрешать селиться на подведомственной им территории только небольшим группам черкас с имуществом и семьями. Строжайше запрещалось предпринимать какие-либо меры для переманивания украинцев из-за рубежа [41, л. 31, 465-467].

Часто, перед тем как перейти на службу к российскому государю, украинцы стремились завязать переговоры с воеводами пограничных городов [42, с. 166]. В условиях настойчивых требований Речи Посполитой вернуть назад своих подданных, вполне естественно желание черкас предварительно выяснить, примут ли их на службу и не выдадут ли обратно. Забегая вперед, можно отметить, что компактное поселение украинцев в России стало традиционным.

Те черкасы, которые были поселены на Поле, получали землю и наравне с русскими людьми начинали нести службу. Привыкшим к вольной жизни черкасам было трудно безоговорочно подчиняться требованиям русских властей.

Один из городов Белгородской черты, а именно Короча, благодаря ряду обстоятельств, в значительной степени был заселен черкасами. Дело в том, что начало строительства укреплений Белгородской черты на Изюмской сакме (Короченский и Яблоневский участки) весной 1637 г. совпало с занятием Азова донскими казаками. Кроме того, властями учитывался опыт заселения Козлова в 1635 г. Тогда много зависимых крестьян сумело записаться в казаки и стрельцы, что вызвало резкое недовольство помещиков. Теперь правительство требовало верстать в службу только лично свободных людей. В результате, значительную часть корочанского гарнизона составили украинские переселенцы. На 1 марта 1639 г. в Короче служили: 19 детей боярских, 213 конных черкас, 155 конных казаков, 14 стрельцов и 17 пушкарей [43, л. 392]. В феврале 1641 г. число черкас в Короче достигало уже 500 человек [44, с. 319], а в декабре в Короче получили жалованье 367 черкас [45, л. 1-21].

За счет привлечения черкас удалось решить проблему комплектования гарнизона нового города служилыми людьми, но возникли непредвиденные сложности, связанные с ненадежностью черкас. Близость территории Речи Посполитой давала переселенцам возможность вернуться на прежнее место жительства в случае возникновения трений с российской администрацией [16, № 140, л. 30-33; № 154, л. 39-40; 33, с. 189; 41, № 256, л. 79-88; 45, л. 55, 182-190; 46].

В научной литературе бытует представление о том, что в российских порубежных

городах (Чугуеве, Валуйке, Осколе, Белгороде, Короче, Курске, Воронеже, Ливнах, Путивле и др.) в 30–40-е гг. XVII в. проживала значительная масса украинских переселенцев [22, с. 70]. Данных о численности служилых черкас в российских городах не так уж много. Несмотря на их фрагментарность, уточнить вышеизложенное утверждение можно. К осени 1636 г. в Белгороде служило 37 черкас. Показательна грамота, направленная из Разрядного приказа воеводе А. Тургеневу 28 февраля 1636 г. В ней ограничивается численность украинских переселенцев в Белгороде шестью десятками человек. Лишних следовало отправлять в Оскол и Ливны [41, л. 116-120]. А летом этого же года, как следует из отписки оскольского воеводы К. Пущина, в этом городе было 35 черкас. 25 из них были присланы из Москвы, а 10 из Белгорода. Всем им было выделено по 100 четвертей земли и по 5 руб. денежного жалованья. Несмотря на полученное жалованье, «иноземцы» вели себя беспокойно [41, л. 354-355].

Разрядная книга 1637–1638 гг. сообщает следующие сведения: в Ливнах было 57 выезжих черкас (для сравнения: по этому городу служило 882 сына боярских), в Белгороде числилось переезжих черкас 102 человека, в Курске – 31 конный и 257 пеших черкас с пищалами, а в Михайлове было 82 конных черкашенина. В то же время в Осколе, Валуйке, Ряжске, Данкове, Ельце, Лебедяни, Воронеже, Севске, Рыльске, Путивле и Яблонове черкасы в числе служилых людей не значатся [47, с. 95-111]. Несколько иные данные содержатся в росписи выдачи жалованья станичникам за 1638 г. [16, № 74, л. 320-324]. В Белгороде – 60 черкас и 400 станичников, на Осколе – 33 черкашенина и 400 станичников, в Валуйке – 144 станичника, а черкас не значится. Судя по челобитной, в 1638 г. в Хотмыжске было поверстано на службу десять черкас [16, № 132, л. 75]. А в 1641 г. их было 23 человека, и двое уже числились в бегах [16, № 151, л. 281]. В этом же году Разрядный приказ принял решение о переводе черкас из Хотмыжска. Первоначально их планировали разместить в Новосили, но затем направили в Карпов. Воеводе запретили принимать украинских перебежчиков на постоянное жительство и службу, поскольку Хотмыжск располагался слишком

близко к польской границе [16, № 139, л. 193-194]. Такое решение, думается, следует связать с изменой чугуевцев, произошедшей в этом году (о чем будет сказано ниже). В 1639 г. в Белгороде получили жалованье 247 черкас. В это число входят выходцы с Украины и члены их семей, прибывавшие в этот город, а затем рассылавшиеся в другие населенные пункты. В этом году в Черни числилось 15 черкас, в Кромах – 42, на Валуйке – 113 человек. В Короче числилось 391 человек, в Усерде – 180 черкас, в Ливнах – 59, на Осколе служило 29 переселенцев из Украины, в Валуйке – 87, а в Курске – 300 черкас [16, № 138, л. 130-139; 45, № 283, л. 8-9об.]. И.Н. Миклашевский приводит несколько иные данные за этот год: Курск – 300 человек, Чернь – 130 семей, Кромы – 49 рядовых, сотник и атаман. Кроме того, в 1639 г. в Белгороде было поселено 57 черкас и около полутора сотен переселенцев из Украины были устроены в с. Костенках Воронежского уезда [34, с. 167-168].

К сентябрю 1640 г. в Воронеже служило 166 черкас, в т. ч. два атамана и два есаула [48, с. 181]. В Яблоне (соседнем с Корочей, о которой подробно говорилось выше) в 1641 г. числилось 577 человек. Из них: сотников – 5, детей боярских – 24, казаков и сведенцев – 408 человек, стрельцов – 118, пушкарей – 20, кузнецов – 2. Кроме того, к городу был приписан 31 казак из Голубинской слободы, и в нем несли службу 414 человек из других городов: сто детей боярских из Рыльска, 184 донских и яицких казака, 130 конных городовых казаков из Михайлова, Опошни, Белева, Гремячева, Печерников и Карачева [16, № 144, л. 12-14]. Другими словами, среди более тысячи человек, несших службу в Яблоне, построенном в 1638 г., т. е. практически одновременно с Корочей, и находившимся совсем рядом с ней, черкас не было. Значит, состав корочанского гарнизона следует рассматривать как исключение из общего правила формирования населения крепостей юга России.

В 1641 г. в Валуйке получили жалованье 92 служилых черкашенина [45, № 98, л. 44-51об.]. Судя по спискам раздачи денежного жалованья, в 1643 г. в Белгороде служило всего 50 черкас, а в Валуйке – 96 [41, № 257, л. 9-14]. В Козлове в этом году находилось 72 украинских казака [45, № 186, л. 2-46].

И.Н. Миклашевский проанализировал численность жителей ряда горев Белгородской черты, построенных в 30-х – начале 40-х гг. XVII в. [34, с. 141] (табл. 1).

В 1645 г. в Белгороде численность черкас оставалась прежней – 50 человек. При этом их было запрещено посылать на сторожи. Им не доверяли этой службы, поскольку сторожи располагались недалеко от границы с Речью Посполитой [41, л. 195-196]. В городе Ольшанске в 1645 г. 17 черкасам было велено служить в детях боярских [49, с. 1610]. За 1645 г. удалось выявить следующие данные о численности служилых черкас в российских украинских городах: Оскол – 31 человек, Короча – 408, Ливны – 65, Орел – 37; Кромы – 46; Усерд – 166, Белгород – 66, Валуйка – 70, Козлов – 52 человека. В 1647 г. в Ливнах было 64 черкашенина, а на Осколе – 70, в Белгороде – 64 [16, № 231, л. 1-7, 82, 97, 162]. По другим документам, в 1645 г. в Валуйке получили жалованье 65 черкас, а в Усерде – 153 [16, № 15, л. 1-24]. Достаточно близкое совпадение численности черкас в разных источниках свидетельствует в пользу достоверности приведенных выше данных.

12 апреля 1648 г. состоялся приговор Боярской думы о сооружении российской крепости на р. Тор, возле соляных варниц. Для постройки города планировалось выделить служилых людей из большинства российских полевых городов. В этой связи была составлена роспись гарнизонов этих крепостей [16, № 255, л. 29-37]. Анализ ее данных, сведенных в табл. 2, в совокупности со сведениями табл. 1 дает основание для заключения о значительности украинского населения в этих городах.

В 1651 г. широкомасштабные работы по постройке вала Белгородской черты проводились силами жителей Царева-Алексеева. В связи с чем был составлен список служилых людей этого города. В нем значилось: дворян 168 человек, станичников (голов, атаманов, вожей и ездоков) – 48, драгун – 281, беломестных казаков – 64, полковых казаков – 412, стрельцов – 219, пушкарей и воротников – 56, а черкас – 103 человека [16, № 26, л. 10-55]. Следовательно, в этом случае, черкасы составляли 8,3 % от общей численности служилых людей данного города, что соответствует общей тенденции.

Таблица 1

Численность различных категорий «жилецких людей»
в городах Белгородской черты в 1643 г.

Категории служилых людей	Город	Яблонов	Короча	Усерд	Чугуев	Хот-Мыжск	Вольный
Дети боярские		24	42	19	132	252	–
Казачи		548	190	330	223	–	217
Стрельцы		118	26	–	103	136	46
Пушкар		20	20	23	31	23	20
Кузнецы		2	–	–	2	1	–
Иноземцы		4	–	–	–	–	–
Сотники		4	–	–	–	–	–
Черкасы		–	446	200	–	–	–
Станичные головы, атаманы и вожи		–	–	50	50	–	–
Воротники		–	–	–	5	6	5

Таблица 2

Соотношение черкас и других категорий служилых людей
в гарнизонах российских крепостей по росписи 1648 г.

Город	Численность гарнизона	В т. ч. черкас	Соотношение в %
Белгород	1158	60	5,2
Оскол	754	21	2,8
Елец	1379	–	–
Ливны	1273	58	4,7
Новосиль	806	–	–
Чернь	487	–	–
Орел	835	–	–
Курск	1289	–	–
Ефремов	864	60	6,9
Кромы	413	49	11,9
ВСЕГО	9258	248	2,7

Таким образом, анализ численности служилых черкас и соотношения последней с количеством других категорий служилых людей в гарнизонах крепостей южной окраины России не позволяют утверждать, что в середине XVII столетия черкасы составляли очень значительную часть военно-служилого населения данного региона. А в это время именно эта категория населения доминировала в рассматриваемой местности. Исключение составляют отдельные населенные пункты, такие как Короча или Острогжск. В последнем городе в мае 1653 г. служило 989 черкас [16, № 31, л. 1-118об.]. Тем не менее, активизация переселения черкас в Россию в 30–40-е гг. XVII в., поступление их на службу заложили базу для формирования особой категории военно-служилого населения юга

России – служилых черкас. В подавляющем большинстве случаев выходцы из Украины не смешивались с населением приграничных российских крепостей. Как правило, они образовывали отдельную служилую корпорацию. По обязанностям и жалованью служилые черкасы занимали промежуточное положение между детьми боярскими и городовыми казаками.

В целом, в рассматриваемое время черкасы продолжали оставаться еще не очень надежной частью военно-служилого населения Польской и Северской Украины. Однако нужно заметить, что в 30–40-е гг. XVII в. прием черкас на российскую службу не прекращался, более того, в это время на российской территории появляются черкасские поселения с довольно внушительным количе-

ством жителей: Чугуев, с. Костенки в Воронежском уезде и Черкасская слобода в Курском уезде. Так, 12 июня 1638 г. в Белгород пришел отряд Якова Острянина. Несмотря на разорение отрядом Острянина Белгорода и Валуйки во время Смоленской войны, черкасы были приняты на службу и поселены в Чугуеве. Переселенцы были приведены к присяге. После «крестного целованья» они стали российскими подданными. Черкасы сохранили правильную полковую организацию, несколько трансформированную в российских условиях. Гетманский титул Острянина закреплял это казацкое устройство на будущее. Вместе с тем, помимо власти гетмана, на чугуевских черкас распространялась также власть российского воеводы, с которым в Чугуев были присланы русские служилые люди. Численность последних была в пять раз меньше, чем численность черкас. Для обустройства на новом месте переселенцам выдали хлебное и денежное жалованье, превышавшее по своим размерам аналогичное содержание русских служилых людей. Совместными усилиями русских и украинцев была построена Чугуевская крепость.

Уверенность столичной и местной администрации в надежности Якова Острянина и его людей способствовала тому, что российские должностные лица относились к ним так же, как к другим служилым людям, а вот черкасы не всегда реагировали на действия воевод так, как остальные жители России. Кроме того, черкасы, сменив подданство, не могли сразу осознать свое новое положение и иногда продолжали вести себя как самовольные запорожцы, а не как русские служилые люди.

В это время происходит изменение политики польской администрации в отношении своих подданных, переселившихся в Российское государство. Теперь их начали переманивать обратно и создавать условия для возвращения. Не сделали исключения даже по отношению к Острянину и его казакам, так много навредившим полякам во время восстания 1637–1638 гг. Острянин сохранил верность России вплоть до последних минут своей жизни. Дело закончилось тем, что 26 апреля 1641 г. чугуевские черкасы взбунтовались, убили Я. Острянина и под командованием его сына ушли на территорию Речи Посполитой. Здесь бывшие жители

Чугуева были поселены в Полтаве, Миргороде, Гадече, Зенкове, Ромнах и Сорочине, им были установлены льготы на 20 лет, а также было запрещено называть их изменниками [16, № 118, л. 428]. После прихода чугуевцев в Речь Посполитую, здесь ожидали начала войны со стороны Москвы. Стали даже укреплять остроги и углублять рвы крепостей, расположенных вдоль границы с Россией [29, № 124, л. 273-274]. Тем не менее, украинцев, которые убежали из Российского государства, приняли и давали понять, что такая политика будет продолжена.

Разрядный приказ предпринял ряд мер для успокоения служилых черкас, оставшихся в России после измены чугуевцев. Так, 14 мая направили грамоту в Воронеж, объявляя царскую милость воронежским черкасам и гарантируя, что измена чугуевцев никак не скажется на отношении к оставшимся верным черкасам [50, с. 100-103]. Подобную грамоту получил курский воевода, строго выполнивший все содержавшиеся в ней предписания [16, № 118, л. 656-660]. Точно такая же грамота была направлена в Валуйку. Воевода зачитал ее черкасам, которые в ответ заверили его в своей преданности и сообщили, что ничего не знают о письмах и людях, призывающих бежать за рубеж [16, № 140, л. 197-205].

Уход значительного числа черкас – случай не единичный. Аналогично чугуевским, в 1638 г. были определены для проживания черкасы в Курском уезде. Всего тогда вышло из Речи Посполитой 865 человек. Из них мужчин, поверстанных в службу – 277, женщин – 232 и 356 детей [16, № 138, л. 133-134]. В Черкасской слободе было велено быть «сыну боярскому доброму». Главная его задача – защита черкас от возможных обид и притеснений. Он же должен был наблюдать за поведением самих переселенцев. Курскому воеводе И.В. Бутурлину предписывалось строго следить за тем, чтобы никто из жителей Курска и его округа не обижал черкас, не отнимал у них имущество. Вместе с тем он должен был пресекать любые нарушения со стороны переселенцев [16, № 99, л. 81-85]. Причиной ухода курских черкас «в Литву» стала информация, распространенная вернувшимся из Москвы черкасским сотником Иваном Холоденко, который утверждал, что всех курских черкас собираются побить

на Успенев день (15 августа), и соответствующий указ из столицы уже послан [16, № 154, л. 83]. И. Холоденко был отправлен в столицу с челобитной от черкас и, будучи в Москве, часто слышал, как русские служилые люди жалуются на то, что им за несколько лет не выплачено жалованье, в то время как «иноземцам-черкасам» оно выдается регулярно. Речам И. Холоденко придавало убедительности то обстоятельство, что, после измены чугуевцев, воевода изъял у курских черкас казенные пищали. 8 июня 1641 г. в Курск пришло распоряжение о возвращении оружия. В отписке от 4 июля 1641 г. Г. Образцов доносил, что приказал отдать черкасам пищали [16, № 140, л. 326-327]. Последующие события позволяют предположить, что его указание не было выполнено своевременно, либо воевода недостаточно оперативно его отдал.

В 1641 г., 13 августа, черкасы покинули службу и направились в сторону Речи Посполитой. Возглавил мятеж Лукьян Вдовиченко. Изменили не все, часть («лучшие люди») остались. Воевода поднял всех служилых людей Курска и бросил их в погоню. Немедленно были поставлены в известность воеводы близлежащих российских крепостей [16, № 140, л. 82]. Беглецов настигли и разгромили 16 августа на Бокаевом шляхе, в 20 верстах от Хотмыжска.

В то же время черкасы, сохранившие верность государю, продолжали жить и нести службу на прежнем месте, правда, к ним стали относиться более настороженно. В свою очередь, последние всячески старались доказать свою преданность [16, № 154, л. 251].

Ситуация, схожая с описанными выше событиями, имела место в Воронежском уезде, где в начале 1640 г. в селе Костенки было поселено 130 черкас [43, т. 2, № 164, с. 275]. Затем их численность выросла до 160 человек [16, № 138, л. 139]. Переселенцы стали выполнять обычную городскую службу, но прожили всего полтора года. В 1640 г. они подали челобитную с жалобой на воеводу. Как и в предыдущих случаях, реакция московской администрации челобитчиков не удовлетворила, и они «пошли в Литву». В Костенках осталось всего около десятка семей черкас [16, № 154, л. 198]. За три дня они прошли около 120 километров, были настиг-

нуты между реками Тихой Сосной и Черной Калитвой и разгромлены.

Приведенные факты позволяют заметить отличительную особенность южного фронта этого периода – широкомасштабное переселение украинцев на территорию Днепро-Донской лесостепи и увеличение числа их побегов со службы. Приведенные факты свидетельствуют, что к 40-м гг. XVII в. польские власти, осознав, что перемещение населения с окраин Речи Посполитой на российское порубежье ослабляет Польское государство и усиливает Россию, активно информировали черкас о том, что они в любой момент могут вернуться обратно. Перечисленные факторы привели к тому, что в 1641 г. значительное число черкас, живших в Чугуеве, с. Костенках Воронежского уезда и в районе Курска, ушли «в Литву». Черкасы перед побегом уже обзавелись хозяйством, обрабатывали землю. Уход с обжитого места, сопровождавшийся оставлением ценного имущества, был вызван серьезными опасениями за свою безопасность. На это обстоятельство не могли не обратить внимание российские власти. Следствием подобных «черкасских измен» стала корректировка деятельности центральной и местной российской администрации в отношении черкас. Сложившееся положение привело к упорядочению службы черкас на порубежье, проведенному российским правительством в 40-е гг. XVII в. Российское правительство прекратило практику компактного поселения значительного количества черкас на территории, граничащей с Речью Посполитой. Правительственные меры позволили предотвратить дальнейшие массовые измены служилых черкас и способствовали их укоренению на российской приграничной территории. После упорядочения службы черкас в 40-е гг. XVII в. московский двор смог более эффективно проводить свою политику в регионе и, в конечном счете, использовать людские ресурсы, прибывающие с украинских земель Речи Посполитой, в своих интересах.

На соотношение сил и направление внешней политики государств Восточной Европы существенно повлияла Освободительная война 1648–1654 гг., развернувшаяся на Украине. Особенность международного положения в данный период заключается в том, что большинство европейских держав

были истощены Тридцатилетней войной. Поэтому они не могли сразу вмешаться в развернувшиеся в Речи Посполитой события. Турция в это время вела затяжную изнурительную войну с Венецией и терпела в ней серьезные неудачи. В силу этого Османская империя не участвовала в решении европейских проблем. Вместе с тем заключение Вестфальского мира 1648 г. создавало потенциальную возможность обострения старых противоречий на Востоке Европы. При таких условиях особое значение приобретала позиция России, в частности, ее взаимоотношения с Речью Посполитой.

В 1648–1650 гг., в период национально-освободительной войны и попытки создания собственной государственности, формирующийся украинский народ впервые выступает как самостоятельная политическая сила. С этого момента наблюдается четкое отделение русско-украинских отношений от русско-польских. В это же время происходит политическое сближение Российского царства с Речью Посполитой. Данное обстоятельство отразилось и на состоянии российско-украинских порубежных отношений. В России продолжали принимать на службу черкас, одновременно стараясь вытеснить в Польшу тех, кто не желал приносить присягу. Польские власти теперь стали способствовать удалению своих подданных с чужой территории [43, т. 2, № 4, с. 12]. Однако с началом повстанческого движения в 1648 г. администрация Речи Посполитой на порубежье перестала функционировать, ее место заняли казацкие полковники.

В целом, начало Освободительной войны встревожило российскую администрацию. Нужно отметить, что конфигурация границы между украинскими землями Речи Посполитой и Россией после 1648 г. не изменилась. Только теперь с Россией граничили не польские старосты, а земли Черниговского, Миргородского и Полтавского полков [51, с. 125]. Освободительная война на Украине шла вразрез с планами российского правительства, направленными на закрепление сближения с Польшей и избранием Алексея Михайловича на польский престол. Поэтому на начальном этапе восстания Богдана Хмельницкого российские власти не оказывали помощи черкасам. Однако с реализацией планов династической унии опоздали, польским ко-

ролем стал Ян-Казимир [52, с. 108-109; 53, с. 70-77].

Польское правительство, ссылаясь на договор 1648 г., пыталось привлечь Россию к борьбе против восставших черкас. Предпосылки для этого были, т. к. Б. Хмельницкий заключил союз с крымским ханом. Союз антипольский, но Крым был давним противником России. Против Крымского ханства был направлен договор Российского царства и Речи Посполитой, заключенный в 1648 г. При этом из Крыма доходили слухи о том, что одним из условий союза татар с запорожцами было обязательство Б. Хмельницкого выставить 10 тыс. казаков на помощь хану, если он предпримет поход на Москву [7, т. 2, № 234, с. 201]. Возможность включения России в борьбу с восставшими казаками тревожила Б. Хмельницкого. Это первым отметил еще Д.Н. Бантыш-Каменский [54, с. 218-219]. Гетман расценивал сношения русских воевод с польскими как подготовку к совместному выступлению против восставших казаков. Об этом неоднократно писал он сам [55, № 210, с. 222; № 218, с. 228]. Ему отвечали, что российские войска находятся на границе для отражения вторжений татар [55, № 211, с. 223; 43, т. 2, № 39, с. 74]. На самом деле, Россия не собиралась включаться в борьбу против восставших, дипломатично отклоняя просьбы королевского двора. Варшаву заверяли лишь в том, что не будут помогать повстанцам, которые опасны не только для Речи Посполитой, но и для Российского царства [43, т. 2, № 135, с. 321]. Воеводам пограничных крепостей было указано идти на помощь войскам Речи Посполитой против татар только в том случае, если у поляков с черкасами не будет войны [41, т. 2, № 569, л. 166-169]. Такое указание свидетельствует о гибкости политики российского правительства, стремившегося не нарушить заключенный договор, но в то же время не оказаться втянутым в польско-украинскую междоусобицу.

Однако взвешенная и твердая политика российских властей вызывала недовольство запорожского гетмана. Стремясь получить необходимую поддержку, он шантажировал правительство Алексея Михайловича угрозами. В апреле 1650 г. в Москву поступили известия о подготовке совместного похода гетмана Б. Хмельницкого и короля Яна-

Казимира, заключивших к этому времени мир [43, т. 2, № 148, с. 358-359; № 151, с. 362-363; № 164, с. 378-379]. Возвратившийся в октябре 1650 г. в Вольный из Киева черкашенин Семен Назаров подтвердил, что Б. Хмельницкий с запорожцами и татарами совершит вторжение на российские украинские города после начала Филиппова поста (15 ноября. – *А. П.*). Он же перечислял главные объекты удара – Путивль и Белгород. В качестве причины называлось разорение донцами крымских улусов, в то время как татары помогали Б. Хмельницкому сражаться с поляками [46, № 39, л. 262-264; 43, т. 2, № 192, с. 466-467; 16, № 323, л. 640, 653-656, 680, 645-646, 616-617, 720]. Согласно царскому указу от 29 октября 1650 г., воеводам украинских городов следовало быть готовыми к совместному черкасско-татарскому вторжению, которое ожидалось на Филиппов пост [56, с. 248].

Правительство объективно оценивало поступающие с границ России известия. Об этом свидетельствуют грамоты к воеводам приграничных крепостей [16, № 323, л. 537, 628, 663-664, 672-673, 740-744; 29, № 143, л. 55-56]. Организация обороны на пути черкасско-татарского войска была поручена Б.А. Репнину. Осенью 1650 г. в Белгород для усиления гарнизона этой крепости были направлены дополнительные силы [16, № 323, л. 691]. Вести о возможном походе беспокоили не только воевод российских крепостей, которые должны были принять на себя основной удар. Особенно волновались воеводы тех городов, где проживало много черкас. Например, корочанский воевода И. Ржевский боялся «сидеть в осаде», поскольку в его крепости большинство гарнизона составляли служилые черкасы [43, т. 2, № 184, 187, с. 454; 16, № 314, л. 17].

Среди украинских казаков распространялись слухи о подготовке гетманом похода, если царь не пришлет жалованье запорожцам [56, т. 1, № 49, с. 248]. Данный факт позволяет предположить, что Б. Хмельницкий использовал военные приготовления как средство оказания давления на правительство Алексея Михайловича. Предполагая, что варшавский двор не удовлетворится невыгодными для Речи Посполитой условиями Зборовского договора 1649 г., гетман пытался склонить Россию к оказанию ему дейст-

венной помощи. При этом он подкреплял дипломатические заявления демонстрацией воинственных намерений.

Между тем мир, заключенный между запорожцами и польскими властями, заставлял вернуться к оценке черкас как польских подданных и позволял использовать дипломатическое воздействие на Речь Посполитую в целях прекращения нападений запорожцев на российские окраины [43, т. 2, № 184, с. 450-451]. Дипломатические заявления не принесли желаемого результата, поскольку польское правительство не могло из-за претензий соседнего государства осложнять и так непростые отношения с украинскими казаками.

Во время боевых действий против поляков, развернувшихся в ходе Освободительной войны, переселение украинцев в Россию не прекратилось. Продолжалось и несанкционированное освоение ими порубежных земель. Ответная реакция была прежней – выселение (его стремились производить мирно) [41, № 571, л. 47-48; 43, т. 2, № 186, с. 453-454], несмотря на явную неэффективность такой политики [16, № 304, л. 194-195]. Налицо широкомасштабное освоение украинцами русских земель в нарушение всех предыдущих договоров России и Речи Посполитой. В тех условиях польская администрация власти над черкасами не имела, а попытки русских воевод сослать незаконных колонистов с захваченных земель успехом не увенчались.

Вероятно, Б. Хмельницкий проводил двойственную политику. Ему приходилось маневрировать, чтобы не испортить отношения с российским правительством и сохранить поддержку населения собственных приграничных земель. В конце 1649 г., в результате выселения с российской территории, пострадали хозяйственные интересы полтавских казаков. Отвечая на жалобы последних в январе 1650 г., гетман просил немного потерпеть, обещая, что после того, как он разделается с поляками, то «очистит» для них пасеки и угодья, вплоть до реки Сейм [57, стб. 364].

В июне 1650 г. воевода Григорий Болшев писал о расселении значительного количества черкас в Чугуевском уезде. По его словам, переселенцы построили пасеки по Донцу, Удам и Мжу, били и грабили чугуевцев. Посланные воеводой служилые люди

мирно выслать черкас за рубеж не смогли, а применить силу без государева указа не посмели [16, № 291, л. 316]. В это время Б. Хмельницкий заключил мир с польскими властями, и в Белгород направили грамоту с указанием обо всех обидных делах и незаконных поселениях писать к киевскому воеводе Адаму Киселю [16, № 291, л. 318-321].

Приведенные примеры показывают, что обстановка на российско-украинском порубежье кардинально не изменилась с началом Освободительной войны на территории Украины. Напротив, положение осложнилось, поскольку была нарушена система польского государственного управления в указанном регионе, а к черкасам российская администрация, учитывая постоянные порубежные конфликты и их вольное переселение, относилась настороженно. Особую тревогу вызывали сообщения о подготовке черкас к походу в Россию. Такое положение, вероятно, способствовало тому, что правительство медлило с принятием решения по вопросу о прямой военной помощи Б. Хмельницкому.

Согласно исследованию Г.М. Лызлова, решение о подготовке к войне с Польшей за Украину было принято московским правительством в конце 1650 г., когда в очередной раз осложнились взаимоотношения Варшавы и Москвы в результате претензий последней на Смоленск и северские города, находившиеся в составе Польши [52, с. 110; 53, с. 66]. Даже после принятия принципиального решения об изменении курса в отношении Украины, которое влекло неизбежную войну с Польшей, осторожное царское правительство не спешило разрывать мирный договор и оказывать прямую военную помощь Б. Хмельницкому. С другой стороны, когда правительству Речи Посполитой стало ясно, что московский двор не будет посылать войска против восставших черкас, польские дипломаты стали настаивать на российском походе в Крым [58, № 18, с. 47; № 20, с. 53]. В России прекрасно понимали, что такой поход неминуемо приведет к столкновению с восставшими украинцами, поскольку гетман Б. Хмельницкий находился в союзнических отношениях с крымским ханом. Поэтому правительство Алексея Михайловича весной 1651 г. выдвинуло неременное условие для осуществления совместного похода: «...чтобы его королевская милость силой или мило-

стью совершенно успокоил казаков и ликвидировал союз с язычниками (подразумевается договор Б. Хмельницкого с крымским ханом. – *А. П.*)» [58, № 166, с. 425]. Таким образом, в очередной раз удалось, не нарушая заключенных ранее соглашений, разрушить планы по втягиванию России в невыгодную для нее войну. В то же время Б. Хмельницкого раздражал отказ России в непосредственной военной помощи. Вероятно, сказывался Белоцерковский договор, заключенный между Яном-Казимиром и Б. Хмельницким в сентябре 1651 г. Гетман осознавал необходимость внешней помощи. Крымское ханство оказалось очень ненадежным союзником. Наиболее эффективным союзником могло стать Российское царство, но его правительство никак не соглашалось непосредственно включиться в боевые действия. Побудить Алексея Михайловича к принятию положительного для гетмана решения могли только веские причины. В т. ч. и угроза серьезных осложнений на южных рубежах государства. В этой связи становится понятным возобновление весной 1652 г. слухов о подготовке Б. Хмельницким похода на Россию [7, т. 2, № 494, с. 305; 32, № 246, л. 147-148, 267-268]. В результате, гарнизоны российских крепостей на Польской Украине были усилены [32, № 246, л. 149].

В 50-е годы XVII в., как правило, прием переселенцев производился в соответствии с выработанными ранее принципами. Небольшие группы (от 20 до 200 человек) семейных черкас размещали в городах Белгородской черты, одиноких отсылали на Дон, а большие отряды решено было сразу отправлять в низовья Волги [43, т. 3, № 44, с. 93-94; № 50, с. 100-101]. В 1651 г. по городам Белгородской черты, а также в Путивль, Брянск и Севск было разослано распоряжение. В нем сообщалось о некоторых изменениях в механизме приема черкас в российское подданство. Теперь группы переселенцев (численностью до 200 человек) в сопровождении приставов было велено направлять в Яблонов. Здесь воевода Б.А. Репнин должен был распределять их на поселение в Коротояк, Воронез или Козлов. В случае появления более значительных масс украинцев, их следовало сразу направлять в Поволжье [29, № 143, л. 440-441].

Как и раньше, имели место побеги черкас, расселенных ранее на южной окраине России. Однако с началом Освободительной войны усилился поток черкас, бежавших из России к себе на родину. Правительство даже было вынуждено предпринять соответствующие меры. Летом 1651 г. яблоновскому воеводе Б.А. Репнину приказали послать по Белгородской черте дворян и подъячих, велел им подробно переписать все «погосты, поместные и вотчинные села, деревни, починки, пустоши». Переписав, передать их жителям государев указ: ловить бегущих черкас. За каждого пойманного обещалось вознаграждение, а за укрывательство или содействие беглецу – смертная казнь. Поскольку в Валуйском, Чугуевском и Валковском уездах не было населенных пунктов, кроме пригородных слобод, то указ был передан городским воеводам [46, № 39, л. 35-41].

Продолжалось неконтролируемое правительство освоение черкасами земель, приписанных к российским уездам. Как и раньше, черкасы приходили, в основном, для промыслов, селясь, не принимали российского подданства. Как и раньше, незаконных мигрантов пытались выселять, но безрезультатно. Можно говорить о сохранении тревожной обстановки на российско-украинском порубежье в начале 50-х гг. XVII в. Следует отметить сокращение числа пограничных конфликтов, но также необходимо подчеркнуть, что, несмотря на принятое Земским собором 1653 г. решение о включении Левобережной Украины в состав Российского царства, местные власти продолжали сохранять настороженность по отношению к черкасам. Кроме того, украинцы, жившие на российской земле и уже служившие государству, еще не полностью адаптировались к новым для себя условиям, что создавало дополнительные сложности в российско-украинском взаимодействии на порубежье.

Анализ обстановки на российско-украинском порубежье в 1648–1653 гг. позволяет заключить, что с началом Освободительной войны в 1648 г. обстановка на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией осложнилась, и до конца 1650 г. тенденция к сближению сторон не прослеживается. Принятый в Москве курс на вхождение Украины в состав Российского царства не изменил принципиально ситуацию в зоне

непосредственного контакта населения смежных территорий. Настороженность в отношении черкас сохранялась вплоть до 1654 г. Причиной этому было ослабление контроля за черкасами в приграничном с Россией регионе, вызванное ликвидацией польской администрации на Левобережье. В сравнении с поляками, Б. Хмельницкий, в целом, был настроен по отношению к России более лояльно, но хуже контролировал ситуацию. Кроме того, союз с крымцами накладывал на гетмана определенные обязательства. Б. Хмельницкому приходилось проявлять чудеса дипломатической изворотливости для сохранения необходимого ему союзника, в т. ч. и неоднократно заверять хана в готовности совместно с татарами выступить против России. Кроме того, слухи о возможном черкасском нападении на Россию позволяли запорожскому гетману оказывать давление на московский двор, побуждая его к более решительным действиям. Вместе с тем, по всей видимости, Б. Хмельницкий не решился бы на подобный поход, поскольку в тех условиях он был невыгоден Украине.

Таким образом, российско-украинские отношения в зоне фронта, вплоть до объединения, определялись политическим расчетом и соображениями государственной безопасности. Новым явлением стали прямые переговоры с Украиной, признанной де-факто обладателем суверенных прав. Однако это обстоятельство не изменило отношения к черкасам в приграничной зоне. Они по-прежнему рассматривались как иностранные подданные и как постоянный источник угрозы для российских владений. Ситуация изменилась только после последовавшей за Переяславской радой 1654 г. присягой запорожцев и всех жителей Левобережья на верность российскому государю, в результате чего все они стали подданными Российского царства.

В конце XVI – первой половине XVII в. на территории южного фронта России – в Днепро-Донской лесостепи – встретились потоки российской и украинской колонизаций. Их взаимодействие было сложным и противоречивым. Конкуренция в освоении новых пространств развернулась на фоне постоянных татарских набегов. Именно необходимость борьбы с последними подтолкнула Российское царство к продвижению в По-

ле. При его освоении российские служилые люди и руководившие ими должностные лица столкнулись с неожиданным препятствием – украинскими казаками-черкасами. Анализ русских посольских книг и дипломатических материалов Литовской метрики второй половины XVI в. показывает, что до 80-х годов XVI в. постоянных контактов с подданными Речи Посполитой – черкасами – у россиян не было. Они начались с середины 70-х гг. XVI в., когда Российское государство организовало сторожевую службу на южной окраине страны. Но действительно регулярными контакты стали с середины 80-х гг. XVI в., когда на Поле стали появляться российские крепости. Наплыв украинских переселенцев был настолько значительным и их вооруженные вторжения на заселяемую русскими территорию были настолько частыми, что игнорировать фактор противоборства между представителями двух народов невозможно. Связанные с этим противоборством явления влияли на жизнь региона и определяли проводившуюся в отношении Поля политику России не меньше, чем татарские набеги, подробно рассмотренные в отечественной исторической литературе. Вместе с тем наблюдения над источниками не дают основания соглашаться с выдвигавшимся в украинской историографии тезисом о приоритете украинской колонизации исследуемого региона. Заселение осуществлялось одновременно с севера и с запада.

Значительные массы украинцев пытались основать постоянные поселения в районах, уже считавшихся российским правительством своими. В этой ситуации проявилось преимущество российской колонизации. Она осуществлялась государством, строившим города-крепости, распространяя тем самым свой суверенитет на новые земли. Опираясь на создаваемые здесь вооруженные силы, Российское царство вытесняло украинских поселенцев с занимаемой ими территории.

По окончании Смоленской войны, Россия развернула строительство Белгородской черты. Создаваемая сеть укреплений обусловила окончательное закрепление ее в данном регионе, позволила не только эффективно противостоять татарским набегам, но и усилить контроль над народной украинской колонизацией и сделала бесперспективными польские планы, направленные на возвраще-

ние этих территорий. Таким образом, колониционная политика, последовательно проводившаяся Россией, оказалась более результативной, чем спонтанное переселенческое движение с Украины, не имевшее государственной поддержки.

Однако в конфликте между Российским государством и украинскими колонистами было найдено место компромиссу. Этот компромисс оказался жизнеспособным и послужил основой для последующего сосуществования двух народов на одной территории, позволил России на протяжении первой половины XVII в. успешно продолжить колонизацию Поля. Предпосылкой к его достижению стала совместная борьба с татарскими набегами. Основу составило поступление черкас на российскую службу, в результате чего за несколько десятилетий на южной окраине России сформировался особый слой населения – служилые черкасы. Начиная с последнего десятилетия XVI в., в приказных документах и отписках российских воевод прослеживается разделение черкас на служилых и «воровских». Выделяясь среди русских служилых людей и крестьян, служилые черкасы, благодаря этнокультурному родству и общему православному вероисповеданию, быстро адаптировались к существованию в России. Вместе с тем в первой половине XVII в. эта адаптация еще не была полной. Нередкими были конфликты служилых черкас с местными властями и русскими соседями. Порождались указанные конфликты не этническими, а имущественными и правовыми противоречиями. Проявлялись они, в основном, в неповиновении властям и уходе за пределы Российского царства. Такие «черкасские измены» вызывали жесткую реакцию российской администрации, т. к. уход населения обратно в Речь Посполитую ослаблял российские позиции на Поле и усиливал последнюю. Но, по мере накопления опыта совместного проживания на границе и использования черкас в качестве российских служилых людей, центральная и местная власть смогла выработать политику, обеспечившую укоренение переселенцев на новом месте. Суть ее состояла в упорядочении службы, повышенном внимании к черкасам, превентивных мерах, направленных на раскрытие готовящихся «измен» и перемещения наиболее мобильных, а потому самых нена-

дежных, холостых и малоимущих, черкас подальше от границ с украинскими землями Речи Посполитой. После упорядочения службы черкас, в 40-е гг. XVII в., российское правительство смогло более энергично проводить свою политику в регионе и, в конечном счете, использовать людские ресурсы, прибывающие с Днепровского Левобережья, в своих интересах. Опыт совместного проживания, выработанный в ходе взаимодействия подданных России и переселенцев с украинских земель Речи Посполитой в процессе колонизации Днепро-Донской лесостепи, в дальнейшем сыграл положительную роль в становлении русско-украинских отношений в рамках единого государства. После Переяславской рады 1654 г., провозгласившей вхождение Левобережья в состав Российского царства, ситуация в регионе кардинально изменилась. Жители Украины стали российскими подданными, а рассматриваемая территория перестала быть приграничной зоной. В дальнейшем российские земли, заселенные выходцами из украинских земель Речи Посполитой, образовали Слободскую Украину.

1. *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
2. *Багалец Д.И.* К истории заселения степной Украины Московского государства // ЖМНП (Журнал министерства народного просвещения). 1886. № 7. С. 264-287.
3. *Тхоржевский С.* Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в XVII в. // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 8.
4. *Козаченко А.И.* Воссоединение Украины с Россией. М., 1954.
5. *Дядиченко В., Стецюк Е.* Борьба украинского народа за воссоединение Украины с Россией. Киев, 1954.
6. Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). М., 1843. Т. 1. № 155-159.
7. АМГ (Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук). Спб., 1890.
8. *Загоревский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.

9. *Антилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967.
10. *Godziszewski W.* Polska a Moskwa za Władysława IV. Kraków, 1930.
11. Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.
12. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 141. Оп. 1. Д. 2.
13. РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2.
14. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 28.
15. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. М., 1990.
16. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 25.
17. *Баранов К.В.* Акты XVI – начала XVII века из местнических дел // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. № 20.
18. Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1996. Т. 1. Вып. 1.
19. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 593.
20. АРП (Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества (Собрал и издал А. Юшков)). М., 1898. Ч. 1.
21. История Украинской ССР: в 10 т. Киев, 1982. Т. 2.
22. *Мышко Д.И.* Экономические, политические и культурные связи между Украиной и Россией в XV – первой половине XVII в. // Великая дружба. Ереван, 1954.
23. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Переписка между Россией и Польшею по 1700 г. М., 1862. Ч. 2.
24. *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII века. М., 1978.
25. Повесть об осаде города Михайлова гетманом Сагайдачным в 1618 г. // Киевская старина. 1885. № 12.
26. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986.
27. СГД (Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел). Спб., 1822. Ч. 3.
28. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 13.
29. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 118.
30. *Поринев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
31. *Жемайтис С.Г.* Источники по истории Смоленской войны (1632–1634 гг.) в собрании П.П. Дубровского // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1988.
32. РГАДА. Столбцы Московского стола. № 102.

33. Царския грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям // ЧОИДР. 1859. № 2. Отд. 2. № 8.
 34. *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1.
 35. ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 34.
 36. *Godziszewski W.* Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego (wytyzona w latach 1634–1648). Kraków, 1934.
 37. *Василенко Н.П.* Очерки по истории Западной Руси и Украины // Русская история в очерках и статьях. К., 1916. Т. 3.
 38. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 597. Л. 14об., 26; Кн. 598. Л. 223-288.
 39. Акты, относящиеся к Малороссии. Из документов Московского архива министерства юстиции. Без тит. л. № 1.
 40. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 650.
 41. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 99.
 42. ВУСР (Воссоединение Украины с Россией). Документы и материалы: в 3 т. Т. 1. № 98.
 43. ВУСР. Т. 1. № 107.
 44. ВУСР. Т. 1. № 194.
 45. РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 295. Л. 1-21.
 46. Столбцы Поместного стола. № 24. Л. 277-280; № 21. Л. 275-275об., 285-288.
 47. Разрядная книга 1637–38 г. М., 1983.
 48. Воронежские акты. Воронеж, 1852. Кн. 2. № 12.
 49. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1889. Вып. 16. № 722.
 50. Воронежские акты. Воронеж, 1851. Кн. 1.
 51. *Крип'якевич І.П.* Адміністративний поділ України 1648–1654 рр. // Історичні джерела та їх використання. Київ, 1966.
 52. *Лызлов Г.М.* К вопросу о вступлении России в войну с Польшей в 1654 г. // Ученые записки Казахского государственного университета. Алма-Ата, 1959. Т. 39.
 53. *Лызлов Г.М.* Польско-русские отношения в начальный период Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1958. № 24.
 54. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. М., 1842. Ч. 1.
 55. АЮЗР (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею). Спб., 1861. Т. 3.
 56. ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Собр. первое. Спб., 1830. Т. 1. № 49.
 57. РИБ (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею Академии наук). Спб., 1913. Т. 29.
 58. Документы об освободительной войне украинского народа. 1648–1654 гг. К., 1965.
-
1. *Belyaev I.* O storozhevoy, stanichnoy i pole-voy sluzhbe na Pol'skoy ukraine Moskovskogo gosudarstva do tsarya Alekseya Mikhaylovicha. M., 1846.
 2. *Bagaley D.I.* K istorii zaseleniya stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva // ZhMNP (Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya). 1886. № 7. S. 264-287.
 3. *Tkhorzhevskiy S.* Gosudarstvennoe zemledelie na yuzhnoy ukraine Moskovskogo gosudarstva v XVII v. // Arkhiv istorii truda v Rossii. Pg., 1923. Kn. 8.
 4. *Kozachenko A.I.* Vossoedinenie Ukrainy s Rossiey. M., 1954.
 5. *Dyadichenko V., Stetsyuk E.* Bor'ba ukrainskogo naroda za vossoedinenie Ukrainy s Rossiey. Kiev, 1954.
 6. *Kniga posol'skaya metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo, sodержashchaya v sebe diplomatische snosheniya Litvy v gosudarstvovanie korolya Sigizmunda-Avgusta (s 1545 po 1572 god).* M., 1843. T. 1. № 155-159.
 7. AMG (Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye imperatorskoyu Akademieyu nauk). Spb., 1890.
 8. *Zagorovskiy V.P.* Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI v. Voronezh, 1991.
 9. *Anpilogov G.N.* Novye dokumenty o Rossii kontsa XVI – nachala XVII v. M., 1967.
 10. *Godziszewski W.* Polska a Moskwa za Władysława IV. Kraków, 1930.
 11. *Opisi tsarskogo arkhiva XVI veka i arkhiva Posol'skogo prikaza 1614 g.* M., 1960.
 12. RGADA (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov). F. 141. Op. 1. D. 2.
 13. RGADA. F. 124. Op. 1. D. 2.
 14. RGADA. F. 141. Op. 1. D. 28.
 15. *Stanislavskiy A.L.* Grazhdanskaya voyna v Rossii XVII v. M., 1990.
 16. RGADA. F. 210. Stolbtsy Belgorodskogo stola. № 25.
 17. *Baranov K.V.* Akty XVI – nachala XVII veka iz mestnicheskikh del // Russkiy diplomatariy. M., 2001. Vyp. 7. № 20.
 18. *Pistsovye knigi Ryazanskogo kraya.* Ryazan', 1996. T. 1. Vyp. 1.
 19. RGADA. F. 389. Op. 1. Kn. 593.
 20. ARP (Akty XIII–XVII vv., predstavlenyye v Razryadnyy prikaz predstaviteleyami sluzhilykh familiy posle otmeny mestnichestva (Sobral i izdal A. Yushkov)). M., 1898. Ch. 1.

21. Istoriya Ukrainoy SSR: v 10 t. Kiev, 1982. T. 2.
22. *Myshko D.I.* Ekonomicheskie, politicheskie i kul'turnye svyazi mezhdru Ukrainoy i Rossiey v XV – pervoy polovine XVII v. // Velikaya družba. Erevan, 1954.
23. *Bantysh-Kamenskiy N.N.* Perepiska mezhdru Rossieyu i Pol'sheyu po 1700 g. M., 1862. Ch. 2.
24. *Florya B.N.* Russko-pol'skie otnosheniya i politicheskoe razvitie Vostochnoy Evropy vo vtoroy polovine XVI – nachale XVII veka. M., 1978.
25. Povest' ob osade goroda Mikhaylova getmanom Sagaydachnym v 1618 g. // Kievskaya starina. 1885. № 12.
26. Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroy poloviny XVI – pervoy poloviny XVII veka. L., 1986.
27. SGGD (Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del). Spb., 1822. Ch. 3.
28. RGADA. F. 141. Op. 1. № 13.
29. RGADA. F. 210. Stolbtsy Sevskogo stola. № 118.
30. *Porshnev B.F.* Tridtsatiletnyaya voyna i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva. M., 1976.
31. *Zhemaytis S.G.* Istochniki po istorii Smolenskoy voyny (1632–1634 gg.) v sobranii P.P. Dubrovskogo // Issledovaniya pamyatnikov pis'mennoy kul'tury v sobraniyakh i ar-khivakh otdela rukopisey i redkikh knig. L., 1988.
32. RGADA. Stolbtsy Moskovskogo stola. № 102.
33. Tsarskiya gramoty na Korochu vovodam i chelobitnye korochan tsaryam // ChOISR. 1859. № 2. Otd. 2. № 8.
34. *Miklashevskiy I.N.* K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. M., 1894. Ch. 1.
35. PSRL (Polnoe sobranie russkikh letopisey). T. 34.
36. *Godziszewski W.* Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego (wytyzona w latach 1634–1648). Kraków, 1934.
37. *Vasilenko N.P.* Ocherki po istorii Zapadnoy Rusi i Ukrainy // Russkaya istoriya v ocherkakh i stat'yakh. K., 1916. T. 3.
38. RGADA. F. 389. Op. 1. Kn. 597. L. 14ob., 26; Kn. 598. L. 223-288.
39. Akty, otnosyashchiesya k Malorossii. Iz dokumentov Moskovskogo arkhiva ministerstva yustitsii. Bez tit. l. № 1.
40. RGADA. F. 389. Op. 1. Kn. 650.
41. RGADA. F. 210. Stolbtsy Prikaznogo stola. № 99.
42. VUSR (Vossoedinenie Ukrainy s Rossiey). Dokumenty i materialy: v 3 t. T. 1. № 98.
43. VUSR. T. 1. № 107.
44. VUSR. T. 1. № 194.
45. RGADA. F. 210. Knigi Denezhnogo stola. № 295. L. 1-21.
46. Stolbtsy Pomestnogo stola. № 24. L. 277-280; № 21. L. 275-275ob., 285-288.
47. Razryadnaya kniga 1637–38 g. M., 1983.
48. Voronezhskie akty. Voronezh, 1852. Kn. 2. № 12.
49. Materialy po istorii Voronezhskoy i sosednikh guberniy. Voronezh, 1889. Vyp. 16. № 722.
50. Voronezhskie akty. Voronezh, 1851. Kn. 1.
51. *Krip'yakevich I.P.* Administrativniy podil Ukraïni 1648–1654 rr. // Istorichni dzherela ta ikh vikoristannya. Kiïv, 1966.
52. *Lyzlov G.M.* K voprosu o vstuplenii Rossii v voynu s Pol'shey v 1654 g. // Uchenye zapiski Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta. Alma-Ata, 1959. T. 39.
53. *Lyzlov G.M.* Pol'sko-russkie otnosheniya v nachal'nyy period Osvoboditel'noy voyny ukrainskogo naroda 1648–1654 gg. // Kratkie soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR. M., 1958. № 24.
54. *Bantysh-Kamenskiy D.N.* Istoriya Maloy Rossii. M., 1842. Ch. 1.
55. AYuZR (Akty, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu). Spb., 1861. T. 3.
56. PSZ (Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii). Sobr. pervoe. Spb., 1830. T. 1. № 49.
57. RIB (Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu Akademii nauk). Spb., 1913. T. 29.
58. Dokumenty ob osvoboditel'noy voyne ukrainskogo naroda. 1648–1654 gg. K., 1965.

Поступила в редакцию 17.08.2015 г.

UDC 94(47)

THE RESETTLEMENT OF UKRAINIANS IN THE SOUTHERN PART OF RUSSIA IN THE END OF XVI – FIRST HALF OF XVII CENTURY

Andrey Igorevich PAPKOV, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor, Dean of Historical-Philological Faculty of Pedagogic Institute, e-mail: papkov@bsu.edu.ru

Migration process, developed in the zone of south frontier and connected with the spread of state territory of Russia in south direction, that were in the end of XVI – the first half of XVII century are characterized. In the end of XVI – first half of XVII century in the territory of south frontier of Russia – in Dniepr-Don forest-steppe – the Russian and Ukrainian colonizers met. Their interaction was difficult and contradictory. The competition in development of new lands was on the background of constant Tatars' raids. The necessity of struggle against the Tatars was the stimulus to develop in Pole. The Russian service class people and their managing officials face the problem during its development – Ukrainian Kazaks-Cherkasy. The flow of Ukrainian migrants was really significant and their armed intrusions to the developed Russian territory were happening very often, the factor of struggle between the representatives of two peoples in the zone of frontier could not be ignored. The events connected with this struggle influenced the life of region and defined the pursuing in Pole policy of Russian not less than Tatar's raids. The significant amount of Ukrainians tried to develop the constant settlements in regions, which were already considered to be Russian. In this situation Russian colonization had an advantage. It was made by the state, building fortifications, spreading sovereignty over new lands. Basing on the created armed forces, Russian reigning forced out the Ukrainian settlers the occupied territory. After the Smolenskaya war was over, Russia started to build Belgorod boundary. The build fortifications caused its final fortification in this region, let not only efficiently counteract the Tatars' raids, but also to strengthen the control over the national Ukrainian colonization and made the Polish plan, which did not have any prospects to get back these territories. Thus, colonization policy, which was pursued by Russia, had more results, than spontaneous emigrant movement from Ukraine, that did not have state support. Anyway, in the conflict between Russian state and Ukrainian colonizers was found compromise. This compromise was lively and was the basis for the following coexisting of two peoples on one territory, which let Russia for the first half of XVII century to continue successfully the colonization of Pole. The supposition for reaching it was the combined struggle against Tatars' raids. The basis was the service of Cherkasy in Russian service, as a result for decades on the south border of Russia was formed the special class of the population – service class Cherkasy. Standing out among Russian service class people and peasants, service class Cherkasy, due to the ethnic-cultural relationship and general orthodox faith, they adopted for the existence in Russia. This adaptation in the first half of XVII century was not full. The conflict of the service class Cherkasy with the local authorities and Russian neighbours was very common. These conflicts were caused not only by ethnic, but by property and legal counteractions. They appeared, basically, in disobedience to authorities and going out of Russian reign territory. These "Cherkasy treachery" caused rough reaction of Russian administration, as the going of the population back to Polish-Lithuanian Commonwealth weakened Russian positions and strengthened the last ones. But, as they were becoming more experienced of joint living on the border and use of Cherkasy as Russian service class people, central and local authorities could have policy, providing the taking root of the migrants on new place. The experience of joint living, developed in the process of cooperation of the subjects of Russia and the migrants from Ukrainian land to Polish-Lithuanian Commonwealth in the process of colonization of Dniepr-Don forest-steppe, further it played an important role in becoming of Russian-Ukrainian relations within the framework of one state.

Key words: Russian state; the south of Russia; Dniepr-Don forest-steppe; Crimean Khanate; Polish-Lithuanian Commonwealth; border.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-47-70